

УДК / UDC 340

DOI: 10.34076/22196838_2026_1_65

ТРАНСПЛАНТАЦИЯ В СИСТЕМЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ОТ БИОЭТИЧЕСКОЙ ДИЛЕММЫ К МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ

Верховинина Лилия Владимировна

Соискатель кафедры международного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург),
ORCID: 0009-0007-9639-2684, e-mail: verlilya58055@gmail.com.

Развитие трансплантологии во второй половине XX – начале XXI в. ознаменовало собой качественно новый этап в эволюции биомедицинских технологий и одновременно поставило перед международным сообществом ряд комплексных правовых проблем, требующих системного межгосударственного урегулирования. На протяжении десятилетий международно-правовая регламентация в данной области развивалась фрагментарно, отражая несовпадение правовых систем, культурных традиций и национальных интересов. Вместе с тем в международном сообществе постепенно формируется устойчивое осознание необходимости унификации подходов к трансплантационной деятельности, основанной на уважении человеческого достоинства, приоритете прав человека и принципе недопустимости эксплуатации тела и его частей в коммерческих целях. Наряду с социальными и этическими аспектами, трансплантация органов, тканей и клеток человека порождает необходимость решения принципиальных вопросов международного публичного права, включая определение правовой природы трансплантации, формулирование единых понятий и подходов к определению объектов трансплантации, а также соотнесение трансплантации с правом на здоровье как фундаментальным правом человека, признанным в универсальных и региональных актах. Цель настоящего исследования состоит в выявлении и систематизации ключевых международно-правовых проблем, возникающих в связи с трансплантацией органов, тканей и клеток человека, а также в постановке научной задачи по формированию целостной концепции международно-правового регулирования в данной сфере. Предполагается, что такая концепция должна основываться на балансе между суверенными интересами государств и необходимостью обеспечения единых стандартов правовой защиты личности в сфере трансплантологии.

Ключевые слова: международное право, право на здоровье, трансплантация органов, биомедицинское право, международно-правовое регулирование, объекты трансплантации

Для цитирования: Верховинина Л. В. Трансплантация в системе прав человека: от биоэтической дилеммы к международно-правовой концепции // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2026. № 1. С. 65–75. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_1_65.

TRANSPLANTATION IN THE HUMAN RIGHTS SYSTEM: FROM A BIOETHICAL DILEMMA TO AN INTERNATIONAL LEGAL CONCEPT

Verkhovinina Liliia

Applicant, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg),
ORCID: 0009-0007-9639-2684, e-mail: verlilya58055@gmail.com.

The development of transplantation in the second half of the XX and early XXI century marked a qualitatively new stage in the evolution of biomedical technologies and

at the same time posed a number of complex legal challenges requiring systemic intergovernmental regulation. For decades international legal regulation in this area evolved in a fragmented manner, reflecting disparities among legal systems, cultural traditions and national interests. Nevertheless, the international community has been gradually forming a stable understanding of the need to unify approaches to transplantation practices based on respect for human dignity, the primacy of human rights and the principle of inadmissibility of the commercial exploitation of the human body and its parts. Alongside its social and ethical dimensions, the transplantation of human organs, tissues and cells necessitates addressing fundamental issues of public international law, including the definition of the legal nature of transplantation, the development of common concepts and classifications of transplant objects and the correlation between transplantation and the right to health as a fundamental human right recognized in universal and regional instruments. The aim of this research is to identify and systematize key international legal issues arising in connection with the transplantation of human organs, tissues and cells, as well as to formulate a scientific task of developing a coherent international legal regulatory concept in this field. It is proposed that such a concept should be based on a balance between the sovereign interests of states and the need to ensure uniform standards of legal protection of individuals in the sphere of transplantation.

Key words: international law, right to health, organ transplantation, biomedical law, international legal regulation, objects of transplantation

*For citation: Verkhovina L. (2026) Transplantation in the human rights system: from a bio-ethical dilemma to an international legal concept. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 65–75, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2026_1_65.*

Современная трансплантология, зародившаяся в середине XX в., продемонстрировала беспрецедентные темпы развития. От первых экспериментальных операций она стремительно эволюционировала в высокоэффективную клиническую практику. В 1954 г. американским хирургом Дж. Мюрреем была выполнена первая успешная трансплантация почки. В 1963 г. Т. Старлз (США) впервые предпринял попытку пересадки печени, а уже через несколько лет были успешно выполнены трансплантации сердца (К. Барнард, 1967, ЮАР), легких (Дж. Харди, 1963, США), а также сердечно-легочного комплекса (Д. Кули, 1968, США)¹. Европейская трансплантологическая практика развивалась синхронно. В 1968 г. хирургом Р. Калном была проведена первая пересадка печени². К началу 1980-х гг. трансплантационные центры США и Европы демонстрировали стабильные клинические результаты. К 2000 г. общее число пересадок печени в мире достигло 100 000, а пятилетняя выживаемость пациентов после трансплантации к рубежу XXI в. достигала 75–80 %³. Это ознаменовало устойчивое вхождение трансплантации в систему высокоэффективной медицинской помощи. Данные достижения, являясь следствием научного прогресса, одновременно стали источником сложных правовых и этических вопросов, требующих осмысления в международно-правовой плоскости.

В первую очередь, трансплантация как форма высокотехнологичной медицинской помощи затронула фундаментальные принципы международно-правовой защиты прав человека, прежде всего право каждого индивида на здоровье. Право индивида на здоровье изначально принадлежит к группе неотъемлемых естественных прав и свобод человека, сопровождающих его жизнедеятельность, и представляет собой значимое достижение межгосударственного сотрудничества в социальной и медицинской сфере⁴. Следует подчеркнуть, что на протяжении десятилетий право на здо-

¹ Трансплантология и искусственные органы: учеб. / под ред. С. В. Готье. М.: Лаборатория знаний, 2019. С. 21–22.

² Там же. С. 21.

³ Ашимов И. А. Этические кредо трансплантации органов: концепты и комментарии. М.: Изд. решения, 2024. С. 1. Разд. 1. URL: <https://mybook.ru/author/ia-ashimov/eticheskie-kredo-transplantacii-organov-koncepty-i-reader/> (дата обращения: 30.07.2025).

⁴ Ястребова А. Ю., Гуляева Е. Е. Право на здоровье в системе международно-правовой защиты прав человека на универсальном и региональном уровне // Московский журнал международного права. 2021. № 2. С. 102.

ровые критиковалось за избыточную неопределенность и отсутствие четких правовых механизмов его реализации¹. Выделяются три формулировки, часто встречающиеся в англоязычной литературе и нормативных актах: «право на здоровье», «право на уход за здоровьем» и – реже – «право на защиту здоровья»². При этом термин «право на защиту здоровья» (*right to protection of health*) в международно-правовой доктрине, а также в некоторых нормативных актах все чаще заменяется на «право на охрану здоровья», поскольку он охватывает более широкий спектр государственных обязательств, направленных на создание условий для поддержания здоровья, в то время как «право на защиту здоровья» понимается как более ограниченная обязанность государства предотвращать посягательства третьих лиц на здоровье индивида³. Как отмечает Р. Эббинг, в доктринальной плоскости термин «право на уход за здоровьем» является более юридически значимым, поскольку предполагает наличие конкретного субъекта ответственности – государства – и, следовательно, может быть предметом правового требования со стороны индивида, так как существует законная обязанность государства оказывать медицинскую помощь⁴. В то же время именно выражение «право на здоровье» в настоящее время получило наибольшее распространение как в практике международных органов, так и в правовых позициях государств. Б. Тобес настаивает, что данное понятие, во-первых, наилучшим образом соответствует терминологии ключевых международных соглашений; во-вторых, охватывает более широкий спектр обязанностей государства, включая не только оказание медицинской помощи, но и обеспечение базовых условий, необходимых для сохранения здоровья⁵.

Наиболее полное и содержательное определение данного права содержится в ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (далее – МПЭСКП)⁶, которая закрепляет обязанность государств-участников признавать право каждого человека на «наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья». Впоследствии Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам (далее – Комитет) в Замечании общего порядка № 14 (2000)⁷ конкретизировал содержание указанного положения, определив две ключевые составляющие этого права: с одной стороны, обеспечение своевременного, доступного и качественного медицинского обслуживания, с другой – наличие базовых социально-экономических условий, позволяющих создать условия для здоровой жизни, включая доступ к чистой воде, качественному питанию, условиям труда, жилищу, безопасной окружающей среде и гигиене. Такой подход связывает право на здоровье с социально-экономическими и экологическими детерминантами.

Отметим также, что в Замечании общего порядка № 14 Комитетом подчеркивается, что право на здоровье не следует понимать как право быть здоровым. Содержание данного права не предполагает юридического обязательства государства обеспечить каждому фактическое состояние здоровья, свободное от заболеваний, включая те, которые по современным медицинским меркам считаются неизлечимыми. Вместо этого право на здоровье следует рассматривать как правовое притязание на создание государством совокупности условий – материальных, институциональных, организационных и экологических, – необходимых для поддержания и восстановления здоровья. Речь идет о праве каждого пользоваться доступными, качественными и безопасными медицинскими услугами, учреждениями и сопутствующей инфраструктурой,

¹ Fidler D. Neither Science Nor Shamans: Globalization of Markets and Health in the Developing World // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 1999. Vol. 7. № 1. P. 214.

² Тобес Б. Право на здоровье: теория и практика / пер. с англ. М. Кротова и др.; ред. Л. Скуратовская. М.: Устойчивый мир, 2001. Гл. I. Разд. 4.1. URL: http://yakov.works/libr_min/19_t/ob/es_01.htm (дата обращения: 30.07.2025).

³ Там же. Гл. I. Разд. 4.3.

⁴ Приводится по: Там же. Гл. I. Разд. 4.1.

⁵ Там же. Гл. I. Разд. 4.2.

⁶ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г.).

⁷ Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Замечание общего порядка № 14 (2000): Право на наивысший достижимый уровень здоровья (ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах). 11 августа 2000 г., E/C.12/2000/4.

а также иными факторами, обеспечивающими достойное существование и благоприятные предпосылки для охраны здоровья.

При этом, несмотря на широкую практику включения права на здоровье в универсальные и региональные международные договоры, его реализация по-прежнему остается предметом активных научных дискуссий как в теоретико-доктринальном, так и в прикладном измерении. Ряд исследователей подчеркивает, что осмысление права на здоровья требует отхода от абстрактных правовых конструкций и должно основываться на анализе конкретных ситуаций его применения¹. В этом контексте акцент смещается на эмпирический подход, предполагающий выявление содержания данного права через практику международных соглашений, судебных прецедентов, а также сквозь призму развивающейся доктрины прав человека.

Особую значимость в данном контексте приобретает проблема правовой природы трансплантации. Следует определить, рассматривается ли трансплантация исключительно как средство реализации права на здоровье либо она формирует самостоятельный объект международно-правового регулирования. С одной стороны, трансплантация обеспечивает сохранение жизни и восстановление здоровья, а значит, может пониматься как средство реализации права индивида на «наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья», закрепленного в ст. 12 МПЭСКП и детализированного в Замечании общего порядка № 14. С этой точки зрения государства обязаны создавать условия для доступа к трансплантационным технологиям в рамках своих обязательств в сфере охраны здоровья. С другой стороны, трансплантация сопряжена с рядом уникальных биоэтических и правовых проблем, особенно в случае живого донорства. Факт хирургического вмешательства в организм донора, сопряженного с рисками и потенциальным ущербом его здоровью, порождает сложный вопрос о соотношении права реципиента на здоровье с правом донора на неприкосновенность личности и физическую целостность. Учитывая, что причинение вреда здоровью донора происходит в отсутствие прямых медицинских показаний и осуществляется на основании добровольного информированного согласия, возникает ситуация, которую традиционные модели реализации права на здоровье не способны однозначно охватить и разрешить.

В последние годы в международной правовой доктрине прослеживается тенденция к формированию концепции так называемых соматических прав. В международном праве эта категория обычно обозначается как «защита прав человека в сфере биоэтики» или «права человека и развитие биологии и медицины»². Под соматическими правами понимаются права, которые гарантируют индивиду свободу и контроль над своим собственным телом. Некоторые исследователи выделяют такие производные категории, как телесная неприкосновенность (*bodily integrity*)³ и морфологическая свобода (*morphological freedom*)⁴. Морфологическая свобода рассматривается как философско-правовая предпосылка формирования морфологических прав. Морфологические права представляют собой развитие идеи телесного суверенитета, охватывающее не только право индивида распоряжаться своим телом, но и право на его трансформацию в соответствии с субъективными представлениями и стремлениями⁵. Что касается права на телесную неприкосновенность, Европейский Суд по правам человека в своей практике неоднократно подчеркивал, что медицинское вмешательство вопреки воле субъекта непременно является вмешательством в физическую неприкосновенность личности⁶. Ю. И. Турянский также относит трансплантацию к новому поколению прав, вытекающих из достижений биомедицины, –

¹ Тобес Б. Указ. соч. Гл. I. Разд. 5.2.

² Абашидзе А. А., Солнцев А. М. Новое поколение прав человека: соматические права // Московский журнал международного права. 2009. № 1. С. 70–72.

³ Herring J., Wall J. The Nature and Significance of the Right to Bodily Integrity // The Cambridge Law Journal. 2017. Vol. 76. № 3. P. 567.

⁴ Fuller S. Morphological Freedom and the Question of Responsibility and Representation in Transhumanism // Confero: Essays on Education, Philosophy and Politics. 2016. Vol. 4. № 2. P. 33.

⁵ Sandberg A. Morphological Freedom: Why We Not Just Want it, but Need It // The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology and Philosophy of the Human Future / ed. by M. More, N. Vita-More. Chichester: Wiley-Blackwell, 2013. P. 56.

⁶ *Glass v. the United Kingdom*, no. 61827/00, judgment of 9 March 2004, § 70 // HUDOC. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-61663> (дата обращения: 30.07.2025).

прав на тело и автономное распоряжение им, включая более широкий контекст прав, возникающих в связи с развитием генной инженерии, репродуктивных технологий и других биотехнологий¹. В научной литературе вопросы трансплантации все чаще рассматриваются через призму личной идентичности и телесного самосознания².

Вместе с тем в современной международно-правовой системе концепция соматических прав не получила самостоятельного нормативного закрепления. Положения, касающиеся телесной и генетической неприкосновенности, воплощены в ряде норм, входящих в структуру уже существующих и признанных прав человека: право на здоровье (ст. 12 МПЭСКП), право на частную жизнь (ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод³), право на достоинство (преамбула и ст. 1 Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины⁴ (далее – Конвенция о правах человека и биомедицине)), запрет эксплуатации тела и его частей (ст. 21 Конвенции о правах человека и биомедицине, ст. 21–22 Дополнительного протокола к Конвенции по правам человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человеческого происхождения⁵ (далее – Дополнительный протокол № 186)). Вследствие этого трансплантация в международном праве рассматривается не как проявление отдельного, нового поколения прав, а преимущественно как особая форма реализации уже существующего права на здоровье.

Таким образом, несмотря на наличие этико-правовых коллизий, связанных преимущественно с правовым статусом донора и пределами допустимого вмешательства в его телесную целостность, представляется методологически обоснованным рассматривать трансплантационную помощь не как самостоятельное субъективное право, а как специфическую форму реализации уже признанного в международном праве права на здоровье. Трансплантация органов, тканей и клеток человека выступает в данном контексте как один из высокотехнологичных методов оказания медицинской помощи, обеспечивающий достижение «наивысшего достижимого уровня здоровья» – цели, провозглашенной в ст. 12 МПЭСКП. Более того, трансплантация как способ медицинского вмешательства, направленного на продление жизни, восстановление утраченных функций организма и обеспечение достойного качества жизни, входит в состав позитивных обязательств государств по обеспечению доступности, качества и безопасности медицинской помощи. Следовательно, реализация права на трансплантационную помощь выступает неотъемлемой частью исполнения государствами своих обязанностей в сфере охраны здоровья населения⁶. Таким образом, право на трансплантацию следует трактовать как средство реализации права на здоровье, с учетом особого статуса данной медицинской технологии, сопряженной с биоэтическими рисками, необходимостью добровольного согласия и межличностного характера оказания помощи. Отсюда вытекает необходимость развития комплексного правового регулирования, обеспечивающего баланс между интересами реципиента, потребность которого в трансплантации обусловлена угрозой жизни или тяжелым страданием, и правами донора, чье участие и согласие должны основываться на полном информировании, свободе воли и недопущении какой-либо формы эксплуатации.

Наряду с вопросами правовой квалификации трансплантации, существенную озабоченность вызывает сохраняющаяся фрагментарность международно-правового регулирования и отсутствие универсального договора, отражающего согласованную позицию международного сообщества. К числу ключевых международных актов, ре-

¹ Турянський Ю. І. Соматичні права як новітня юридична категорія // Право і суспільство. 2020. № 1. С. 112.

² *Svenaesus F. Organ Transplantation and Personal Identity: How Does Loss and Change of Organs Affect the Self?* // *The Journal of Medicine and Philosophy*. 2012. Vol. 37. № 2. P. 139.

³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в Риме 4 ноября 1950 г.) (в ред. Протоколов № 1 от 20 марта 1952 г., № 4 от 16 сентября 1963 г., № 7 от 22 ноября 1984 г.). Прекратила действие для России с 16 марта 2022 г. (Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ).

⁴ Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине ETS № 164 (принята Комитетом министров Совета Европы 19 ноября 1996 г., открыта для подписания в Овьедо 4 апреля 1997 г.).

⁵ Дополнительный протокол к Конвенции о правах человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человеческого происхождения ETS № 186 (Страсбург, 24 января 2002 г.).

⁶ *Mehta D., Saksena N., Mittal Y. Organ Transplant Law: Assessing Compatibility with the Right to Health*. New Delhi: The Vidhi Centre for Legal Policy, 2017. P. 1.

гулирующих трансплантационную деятельность, относятся Конвенция о правах человека и биомедицине, Дополнительный протокол № 186, Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза о стандартах качества и безопасности человеческих органов, предназначенных для трансплантации (2010)¹ (далее – Директива ЕС о стандартах качества и безопасности человеческих органов, предназначенных для трансплантации), Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (2000)². Кроме того, важную роль играют нормы «мягкого права» международных организаций, в частности Руководящие принципы Всемирной организации здравоохранения по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов (2010)³, Резолюция Всемирной медицинской ассоциации по вопросам поведения врачей при осуществлении трансплантации человеческих органов (1994)⁴ и Декларация Всемирной медицинской ассоциации о трансплантации человеческих органов (1987)⁵.

Биоэтические принципы, применяемые в трансплантологии, получили официальное правовое оформление в Конвенции о правах человека и биомедицине. В этом документе закреплены основные положения современной биоэтики: «делай благо», «не навреди», «принцип уважения автономии пациента»⁶, конфиденциальности и информированного согласия. Значимость Конвенции как единственного международного нормативного правового акта в данной сфере обусловлена острой необходимостью преодоления фрагментарности и несогласованности национальных законодательств в области трансплантации, с перспективой их дальнейшей унификации⁷. Отсутствие унифицированного международного правового акта в сфере трансплантации обусловлено прежде всего сложностью достижения согласия по базовым этико-правовым принципам в условиях культурной, религиозной и правовой разнородности государств. Вместе с тем трансплантация как особая форма медицинского вмешательства, обладающая высоким этическим потенциалом риска, требует выработки согласованных международных правовых подходов. Создание универсального международного договора требует широкой международной дискуссии, в которой должны быть учтены как правовые, так и этические, культурные, религиозные особенности различных регионов мира. Без формирования единой международной позиции по базовым вопросам трансплантации невозможно обеспечить надлежащую защиту человеческого достоинства, предотвратить злоупотребления и гарантировать доступность трансплантационных вмешательств как средства реализации права на здоровье. Международное право, находясь на этапе институционального становления в этой области, должно перейти от декларативности к конкретике, от фрагментарности к системности, от рекомендательных положений к юридически обязывающим нормам с действенными механизмами реализации и контроля.

Следующим значимым вопросом, требующим международно-правового осмысления, является отсутствие всеобъемлющего, юридически точного и концептуально выверенного определения понятия трансплантации, способного охватить все актуаль-

¹ Директива 2010/45/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС от 7 июля 2010 г. о стандартах качества и безопасности человеческих органов, предназначенных для трансплантации.

² Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принят в Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН).

³ Руководящие принципы Всемирной организации здравоохранения по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов (утверждены на 63-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения 21 мая 2010 г., резолюция WHA63.22).

⁴ Резолюция по вопросам поведения врачей при осуществлении трансплантации человеческих органов (принята на 46-й Всемирной медицинской ассамблее, Стокгольм, сентябрь 1994 г.).

⁵ Декларация о трансплантации человеческих органов (принята на 39-й Всемирной медицинской ассамблее, Мадрид, октябрь 1987 г.).

⁶ Тищенко П. Д., Юдин Б. Г. Биоэтика: принципы, правила, проблемы / отв. ред. и сост. Б. Г. Юдин; науч. ред. В. Н. Игнатъев. М.: Эдиториал УРСС, 1998. Ч. I. URL: <https://www.booksite.ru/localtxt/bio/eti/ka/bioetika/index.htm> (дата обращения: 30.07.2025).

⁷ Лапаева В. В. Международное регулирование отношений в сфере биомедицины: взаимодействие права и морали // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 26.

ные формы и практики в данной сфере. Несмотря на широкое признание трансплантации как важного направления медицинской практики, международные правовые акты до сих пор не содержат дефиниции, которая бы соответствовала современным достижениям биомедицины и правовой доктрины.

Первой попыткой нормативного закрепления понятия трансплантации на международно-правовом уровне стал Дополнительный протокол № 186. В нем под трансплантацией понимается «полный процесс удаления органа или ткани у одного лица и имплантации этого органа или ткани другому лицу» (ст. 2). Однако данная формулировка обладает рядом методологических и терминологических недостатков. Во-первых, она исключает из сферы правового регулирования такие аспекты, как трансплантация клеток, ауто трансплантация (пересадка органов или тканей в пределах одного организма) и ксенотрансплантация (пересадка между различными биологическими видами). Во-вторых, использование термина «имплантация» без его нормативного толкования порождает правовую неопределенность, а сама формулировка носит тавтологический характер, не раскрывая сущности трансплантации как медицинского вмешательства, направленного на функциональное приживление трансплантата.

Всемирная организация здравоохранения (далее – ВОЗ) также предпринимала попытки выработки подходов к определению трансплантации. В 2009 г. ВОЗ разработала Глобальный глоссарий терминов и определений по донорству и трансплантации, в соответствии с которым под трансплантацией понимается «перенос (приживление) человеческих клеток, тканей или органов от донора к реципиенту с целью восстановления функций организма. В случаях, когда трансплантация осуществляется между разными видами, например, от животного к человеку, такая процедура называется ксенотрансплантацией»¹. Следует подчеркнуть, что указанное определение имеет рекомендательный характер, не обладает статусом юридически обязывающего акта и не порождает обязательств для государств, ограничиваясь рамками этических и технических стандартов.

Отсутствие единообразного подхода к определению трансплантации характерно не только для международного права, но и для национального законодательства. Так, в соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь «О трансплантации органов и тканей человека»² под трансплантацией понимает «замещение у реципиента путем проведения медицинского вмешательства отсутствующих или поврежденных органов и (или) тканей человека, не способных выполнять свои жизненно важные функции, органами и (или) тканями человека, полученными в результате забора органов». Вместе с тем предлагаемая дефиниция опирается на концепт «замещения» утраченных или поврежденных органов и тканей, что не вполне корректно с медицинской точки зрения. В частности, при трансплантации почки донорский орган, как правило, не заменяет нефункционирующую почку, а лишь дополняет или компенсирует ее утраченные функции³. Кроме того, в Законе Республики Беларусь отсутствует упоминание о возможности трансплантации клеток, а также межвидовой трансплантации (ксенотрансплантации), которая уже получила научное и клиническое признание.

В российском законодательстве терминология также имеет свои особенности. Закон РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека»⁴ оперирует лишь понятием «пересадка органов и тканей человека», не разграничивая его с иными смежными медицинскими вмешательствами и не раскрывая его содержания. Это, в свою очередь, порождает неопределенность в правоприменении, затрудняет квалификацию соответствующих медицинских вмешательств и препятствует формированию четких правовых ориентиров в сфере трансплантации.

¹ Global glossary of terms and definitions on donation and transplantation. World Health Organization. 2009. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/WHO-HTP-EHT-CPR-2009.01> (дата обращения: 30.07.2025).

² Закон Республики Беларусь от 4 марта 1997 г. № 28-З «О трансплантации органов и тканей человека» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H19700028> (дата обращения: 30.07.2025).

³ Is Kidney Transplantation for you? Information for patients. Leeds Teaching Hospitals NHS Trust. URL: <https://www.leedsth.nhs.uk/patients/resources/is-kidney-transplantation-for-you/> (дата обращения: 30.07.2025).

⁴ Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 (ред. от 1 мая 2022 г.) «О трансплантации органов и (или) тканей человека».

Современная юридическая доктрина также не выработала единого подхода к определению трансплантации. В научной литературе встречаются различные, порой противоречивые интерпретации.

Так, ряд исследователей (например, Е. Г. Афанасьева) трактуют трансплантацию преимущественно как «медицинскую операцию по замене больной части человеческого организма здоровой частью, взятой из того же или из другого организма»¹. Однако данная дефиниция отличается избыточной узостью, поскольку не охватывает формы трансплантации, в которых наличие «больной части» не является обязательным. Речь идет, в частности, о переливании крови и ее компонентов, трансплантации репродуктивных материалов (включая оплодотворенные яйцеклетки), стволовых клеток, а также о вмешательствах, направленных на косметическую коррекцию или общее улучшение физиологического состояния организма.

Другие ученые определяют трансплантацию как «процесс замены поврежденных или утраченных органов путем пересадки таких же органов, взятых из здоровых организмов того же вида»². Однако такое понимание исключает из правового поля трансплантацию тканей и клеток, а также не охватывает случаи, когда пересадка осуществляется не с целью замещения утраченного органа, а для восстановления либо поддержания функций. Более того, подобные определения априори ограничивают трансплантацию взаимодействием между представителями одного и того же биологического вида, что вступает в противоречие с современными практиками ксенотрансплантации, получающей все более широкое распространение как в клинической, так и в исследовательской практике. В то же время в современной научной мысли формируются более комплексные подходы. В частности, в дефиниции, предложенной Н. Е. Крыловой, в объект трансплантации включаются не только органы и ткани, но и клетки, а также предполагается наличие цели – от спасения жизни до улучшения ее качества³. Однако и в этом случае остается вне внимания ключевой признак трансплантации как медицинского вмешательства – необходимость интеграции трансплантата в организм реципиента, без которой процедура не достигает своей медицинской или терапевтической цели.

В условиях отсутствия универсально признанного международно-правового определения трансплантации, а также на фоне значительных расхождений в национальных правовых порядках и научной доктрине возникает объективная необходимость выработки точной, юридически релевантной и концептуально обоснованной дефиниции. Такая дефиниция будет иметь не только теоретическое, но и практическое значение, выступая основой для нормотворчества, правоприменения и обеспечения реализации права на здоровье в контексте международного сотрудничества. Во-первых, такая дефиниция должна соответствовать актуальному уровню развития биомедицинских технологий и учитывать современные тенденции в области медицинского права, включая признание трансплантации клеток, возможность ауто трансплантации, ксенотрансплантации, а также применение биоинженерных материалов. Во-вторых, определение трансплантации должно обладать юридической определенностью, т. е. быть пригодным для нормативного закрепления в международных договорах и для унифицированного правоприменения в различных государствах. В этом контексте целесообразно рассматривать трансплантацию как особый вид медицинского вмешательства, заключающийся в изъятии органов, тканей (в том числе крови и ее компонентов) или клеток (включая биоинженерные и искусственно созданные органы, ткани или клетки) у биологического донора (человека или иного организма), живого или посмертного, с последующей пересадкой другому организму либо в пределах одного организма, направленной на приживление трансплантата с целью спасения жизни, восстановления, замещения или поддержания утраченных функций, улучшения качества жизни либо проведения научных, клинических или экспериментальных исследований.

¹ Афанасьева Е. Г. Донор и реципиент перед лицом закона: зарубежный опыт // Современное медицинское право в России и за рубежом: сб. науч. тр. / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам и др.; редкол.: О. Л. Дубовик (отв. ред.) [и др.]. М.: ИНИОН, 2003. С. 286.

² Кузнецов Д. В., Короткова К. А. Этические аспекты трансплантологии // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2016. Т. 6. № 5. С. 598.

³ Крылова Н. Е. Уголовное право и биоэтика: проблемы, дискуссии, поиск решений. М.: Юрист, 2006. С. 36.

Наряду с неопределенностью понятийного аппарата, заслуживает внимания и проблема отсутствия консолидированного международно-правового подхода к определению предмета регулирования трансплантации, что проявляется в нечеткости и фрагментарности регулирования ее объектов. Как на уровне международных актов, так и в рамках национальных правовых порядков наблюдаются значительные расхождения в трактовке того, какие именно биологические материалы подлежат правовому регулированию. В качестве объектов могут выступать органы, ткани (в том числе кровь и ее компоненты), клетки (в том числе стволовые), репродуктивные и эмбриональные материалы, а также иные биологические субстраты, включая, например, волосы и ногти. Так, законодательство Германии в сфере трансплантации исключает из сферы регулирования ткани, взятые для обратной пересадки в ходе одного хирургического вмешательства, а также кровь и ее компоненты, тогда как швейцарское правовое регулирование в данной области не распространяется на искусственные и умерщвленные органы, кровь (за исключением стволовых клеток), продукты с ее добавлением и репродуктивные материалы в контексте вспомогательных репродуктивных технологий¹. Однако четкой, универсально признанной классификации или перечня объектов трансплантации, охватываемых международной правовой защитой, до настоящего времени так и не выработано.

Ни один действующий конвенционный международный акт не содержит системного перечня трансплантируемых биоматериалов, подлежащих правовому регулированию. В ряде международных документов предмет регулирования ограничен исключительно трансплантацией органов человека. В других актах к органам добавляются ткани и в отдельных случаях – клетки. Еще менее определенно рассматривается возможность правового регулирования трансплантации человеческой крови и ее компонентов как особой разновидности соединительной ткани, трансплантации эмбриональных и репродуктивных органов, тканей и клеток человека, а также ксенотрансплантации². Следует отметить, что на национальном уровне вопросы, связанные с трансплантацией эмбриональных и репродуктивных материалов, а также ксенотрансплантацией, зачастую являются предметом острых этико-правовых и религиозных дискуссий. Различия в подходах отдельных государств затрудняют достижение международного консенсуса в данной области.

Эта неоднородность особенно заметна при анализе ключевых международных актов, регулирующих вопросы трансплантации. Так, Дополнительный протокол № 186 закрепляет, что он не распространяет свое действие на репродуктивные органы и ткани, эмбриональные органы и ткани, а также кровь и ее производные (ст. 2). Протокол также ничего не упоминает про возможность трансплантации отдельных клеток человека, например стволовых. Таким образом, из правового поля исчезает целая область хирургических операций по изъятию и пересадке клеток. Сходным образом Директива ЕС о стандартах качества и безопасности человеческих органов, предназначенных для трансплантации, в рамках ограниченного предмета регулирования не охватывает трансплантацию крови и ее компонентов, а также не регулирует пересадку органов, тканей и клеток животного происхождения. Это свидетельствует о том, что даже в рамках регионального законодательства, ориентированного на гармонизацию стандартов, сохраняются существенные пробелы, связанные с предметом регулирования. Отсутствие комплексного правового регулирования объектов трансплантации создает значительные сложности с точки зрения правовой определенности и защиты прав как доноров, так и реципиентов.

Учитывая изложенное, следует констатировать, что вопросы правовой природы трансплантации, формулирования универсального понятийного аппарата и определения допустимых объектов трансплантологии остаются одними из ключевых в процессе формирования согласованного международно-правового регулирования в данной области. В условиях стремительного развития биомедицинских технологий именно эти базовые категории требуют особого внимания, поскольку от их правовой

¹ Епанчина М. П. Зарубежное законодательство о трансплантации человеческих органов и тканей (на примере Германии, Швейцарии и Аргентины) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2012. № 55. С. 114, 119.

² Hawthorne W. J. Ethical and legislative advances in xenotransplantation for clinical translation: focusing on cardiac, kidney and islet cell xenotransplantation // Front Immunol. 2024. Vol. 15. Art. 1355609. P. 6.

определенности напрямую зависит эффективность всей системы нормативного взаимодействия государств.

Современное международное право, несмотря на наличие отдельных универсальных и региональных актов, по-прежнему не предлагает целостного и унифицированного подхода к трансплантации как правовой категории. В этом контексте особую значимость приобретает задача по построению теоретически целостной, научно обоснованной международно-правовой концепции трансплантации, основанной на уважении человеческого достоинства, признании телесной целостности и приоритете прав человека.

Список литературы

Абашидзе А. А., Солнцев А. М. Новое поколение прав человека: соматические права // Московский журнал международного права. 2009. № 1. С. 69–82.

Афанасьева Е. Г. Донор и реципиент перед лицом закона: зарубежный опыт // Современное медицинское право в России и за рубежом: сб. науч. тр. / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам и др.; редкол.: О. Л. Дубовик (отв. ред.) [и др.]. М.: ИНИОН, 2003. С. 286–298.

Ашимов И. А. Этические кредо трансплантации органов: концепты и комментарии. М.: Изд. решения, 2024. 330 с.

Епанчина М. П. Зарубежное законодательство о трансплантации человеческих органов и тканей (на примере Германии, Швейцарии и Аргентины) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2012. № 55. С. 113–122.

Крылова Н. Е. Уголовное право и биоэтика: проблемы, дискуссии, поиск решений. М.: Юрист, 2006. 320 с.

Кузнецов Д. В., Короткова К. А. Этические аспекты трансплантологии // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2016. Т. 6. № 5. С. 598.

Лапаева В. В. Международное регулирование отношений в сфере биомедицины: взаимодействие права и морали // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 22–44.

Тищенко П. Д., Юдин Б. Г. Биоэтика: принципы, правила, проблемы / отв. ред. и сост. Б. Г. Юдин; науч. ред. В. Н. Игнатьев. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 472 с.

Трансплантология и искусственные органы: учеб. / под ред. С. В. Готье. М.: Лаборатория знаний, 2019. 320 с.

Тобес Б. Право на здоровье: теория и практика / пер. с англ. М. Кротова и др.; ред. Л. Скура-товская. М.: Устойчивый мир, 2001. 370 с.

Турянский Ю. І. Соматичні права як новітня юридична категорія // Право і суспільство. 2020. № 1. С. 110–115.

Ястребова А. Ю., Гуляева Е. Е. Право на здоровье в системе международно-правовой защиты прав человека на универсальном и региональном уровне // Московский журнал международного права. 2021. № 2. С. 99–121.

Fidler D. Neither Science Nor Shamans: Globalization of Markets and Health in the Developing World // Indiana Journal of Global Legal Studies. 1999. Vol. 7. № 1. P. 191–224.

Fuller S. Morphological Freedom and the Question of Responsibility and Representation in Transhumanism // Confero: Essays on Education, Philosophy and Politics. 2016. Vol. 4. № 2. P. 33–45.

Hawthorne W. J. Ethical and legislative advances in xenotransplantation for clinical translation: focusing on cardiac, kidney and islet cell xenotransplantation // Front Immunol. 2024. Vol. 15. Art. 1355609. P. 1–11.

Herring J., Wall J. The Nature and Significance of the Right to Bodily Integrity // The Cambridge Law Journal. 2017. Vol. 76. № 3. P. 566–588.

Mehta D., Saksena N., Mittal Y. Organ Transplant Law: Assessing Compatibility with the Right to Health. New Delhi: The Vidhi Centre for Legal Policy, 2017. 60 p.

Sandberg A. Morphological Freedom: Why We Not Just Want it, but Need It // The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology and Philosophy of the Human Future / ed. by M. More, N. Vita-More. Chichester: Wiley-Blackwell, 2013. P. 56–64.

Svenaesus F. Organ Transplantation and Personal Identity: How Does Loss and Change of Organs Affect the Self? // The Journal of Medicine and Philosophy. 2012. Vol. 37. № 2. P. 139–158.

References

Abashidze A. A., Solntsev A. M. (2009) Novoe pokolenie prav cheloveka: somaticheskie prava [A new generation of human rights: somatic rights]. In *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, no. 1, pp. 69–82.

Afanas'eva E. G. (2003) Donor i retsiyent pered litsom zakona: zarubezhnyi opyt [Donor and recipient before the law: foreign experience]. In Dubovik O. L. (Ed.) *Sovremennoe meditsinskoe pravo v Rossii i za rubezhom*. Moscow, INION, pp. 286–298.

Ashimov I. A. (2024) *Eticheskie kredo transplantatsii organov: kontsepty i kommentarii* [Ethical credos of organ transplantation: concepts and comments]. Moscow, Izdatel'skie resheniya, 330 p.

Epanchina M. P. (2012) Zarubezhnoe zakonodatel'stvo o transplantatsii chelovecheskikh organov i tkanei (na primere Germanii, Shveitsarii i Argentiny) [Foreign legislation on the transplantation of human organs and tissues (based on the examples of Germany, Switzerland, and Argentina)]. In *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Yuridicheskie nauki*, no. S5, pp. 113–122.

Fidler D. (1999) Neither Science Nor Shamans: Globalization of Markets and Health in the Developing World. In *Indiana Journal of Global Legal Studies*, vol. 7, no. 1, pp. 191–224.

Fuller S. (2016) Morphological Freedom and the Question of Responsibility and Representation in Transhumanism. In *Confero: Essays on Education, Philosophy and Politics*, vol. 4, no. 2, pp. 33–45.

Hawthorne W. J. (2024) Ethical and legislative advances in xenotransplantation for clinical translation: focusing on cardiac, kidney and islet cell xenotransplantation. In *Front Immunol*, vol. 15, Art. 1355609, pp. 1–11.

Herring J., Wall J. (2017) The Nature and Significance of the Right to Bodily Integrity. In *The Cambridge Law Journal*, vol. 76, no. 3, pp. 566–588.

Krylova N. E. (2006) *Ugolovnoe pravo i bioetika: problemy, diskussii, poisk reshenii* [Criminal law and bioethics: issues, debates, search for solutions]. Moscow, Yurist, 320 p.

Kuznetsov D. V., Korotkova K. A. (2016) Eticheskie aspekty transplantologii [Ethical aspects of transplantation]. In *Byulleten' meditsinskikh internet-konferentsii*, vol. 6, no. 5, p. 598.

Lapaeva V. V. (2019) Mezhdunarodnoe regulirovanie otnoshenii v sfere biomeditsiny: vzaimodeistvie prava i morali [International regulation of biomedical relations: interaction of law and morality]. In *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, no. 2, pp. 22–44.

Mehta D., Saksena N., Mittal Y. (2017) *Organ Transplant Law: Assessing Compatibility with the Right to Health*. New Delhi, The Vidhi Centre for Legal Policy, 60 p.

Sandberg A. (2013) Morphological Freedom: Why We Not Just Want it, but Need It. In More M., Vita-More N. (Eds.) *The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology and Philosophy of the Human Future*. Chichester, Wiley-Blackwell, pp. 56–64.

Svenaesus F. (2012) Organ Transplantation and Personal Identity: How Does Loss and Change of Organs Affect the Self? In *The Journal of Medicine and Philosophy*, vol. 37, no. 2, pp. 139–158.

Tishchenko P. D., Yudin B. G. (1998) *Bioetika: printsipy, pravila, problemy* [Bioethics: principles, rules, problems]. Moscow, Editorial URSS, 472 p.

Toebe B. (2001) *Pravo na zdorov'e: teoriya i praktika* [The right to health: theory and practice], transl. by M. Krotov, et al., ed. by L. Skuratovskaya. Moscow, Ustoichivyi mir, 370 p.

Got'e S. V. (Ed.) (2019) *Transplantologiya i iskusstvennye organy: uchebnyk* [Transplantology and artificial organs: textbook]. Moscow, Laboratoriya znaniy, 320 p.

Turyans'kiy Yu. I. (2020) Somatichni prava yak novitnia yurydychna katehoriia [Somatic rights as a new legal category]. In *Pravo i suspil'stvo*, no. 1, pp. 110–115.

Yastrebova A. Yu., Gulyaeva E. E. (2021) Pravo na zdorov'e v sisteme mezhdunarodno-pravovoi zashchity prav cheloveka na universal'nom i regional'nom urovne [The right to health in the international human rights protection system at the universal and regional levels]. In *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, no. 2, pp. 99–121.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.08.2025

Дата принятия рукописи в печать: 27.01.2026